

A surreal, cosmic landscape. The sky is a deep blue, filled with a massive, swirling galaxy of blue and gold. The galaxy's center is a bright, glowing yellow-white core. The galaxy's arms are composed of intricate, swirling patterns of blue and gold, with numerous small, glowing yellow and orange stars scattered throughout. The galaxy appears to be a multi-layered, concentric structure, creating a sense of depth and movement. In the foreground, a person stands on a rocky, desert-like terrain, looking up at the galaxy. The ground is a mix of brown and orange, with some small rocks and a few small, dark figures in the distance. The overall atmosphere is one of awe and wonder, with a sense of vastness and mystery.

Павел Пялин
(PyAlliN)

Бабушка и ГОВНО

Павел Алексеевич Пялин (РуAlliN)

Бабушка и говно

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73094808

SelfPub; 2026

Аннотация

– В этот раз я сделаю по-своему, бабушка.

Он сказал это не грубо. Скорее, констатируя факт. Как инженер, объявляющий о расчётах, не оставляющих места для споров. Но для неё это был не голос. Это был акт террора. Её вселенная, выстроенная на фундаменте беспрекословного «по-моему», дрогнула. Не «пожалуйста», не «можно я», не привычное для неё ворчание исподтишка. Прямота. Честность. Это было страшнее любого бунта. Это была декларация независимости.

Он не кричал. Не спорил. Просто констатировал. И в этой тихой прямоте была такая чудовищная сила, что старуха, восседающая в своём ворсистом троне-кресле, аж подалась вперёд. Воздух вокруг неё загустел, будто зарядился статикой вибрирующего, напряжённого нерва. Её мир, выстроенный на фундаменте беспрекословного «как я сказала», дал трещину. И трещина эта прошла прямо по её лицу, исказив знакомые черты в гротескную маску гнева.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Павел Пялин (РуAlliN)

Бабушка и говно

Глава

Бабушка и говно.

Микророман в одной сцене.

Тишина сегодня в доме была особого свойства – густая, тяжёлая, как бульон из старых обид. Она впитывала в себя звук шагов, шорох страниц, само дыхание. И вот эту тишину, этот устоявшийся миропорядок, внук разбил одним простым, отточенным как клинок, предложением.

– В этот раз **я сделаю по-своему**, бабушка.

Он сказал это не грубо. Скорее, констатируя факт. Как инженер, объявляющий о расчётах, не оставляющих места для споров. Но для неё это был не голос. *Это был акт террора.* Её вселенная, выстроенная на фундаменте беспрекословного «*по-моему*», дрогнула. Не «*пожалуйста*», не «*можно я*», не привычное для неё ворчание исподтишка. Прямота. Честность. Это было страшнее любого бунта. *Это была декларация независимости.*

Он не кричал. Не спорил. Просто констатировал. И в этой тихой прямоте была такая чудовищная сила, что старуха, восседающая в своём ворсистом троне-кресле, аж подалась

вперёд. Воздух вокруг неё загустел, будто зарядился статической вибрирующего, напряжённого нерва. Её мир, выстроенный на фундаменте беспрекословного «как я сказала», дал трещину. И трещина эта прошла прямо по её лицу, исказив знакомые черты в гротескную маску гнева.

Сначала наступила тишина, ещё более гулкая. Потом – взрыв.

– Что?! – вырвалось у неё сиплое, хриплое. – Да как ты смеешь?!

Но он уже не боялся. Страх сгорел в решимости. Это было видно по глазам. По спокойствию, с которым он в этот раз воспринял её первый выпад. И это было для неё невыносимее всего.

И никуда не годные бабушкины нервы вспыхнули. Не как спичка, а как огромная пороховая бочка. Не пламенем, а удушливым, едким дымом ярости. Её лицо – сеть морщин, похожее на карту забытых сражений, налилось тёмной кровью. Глаза, маленькие и острые, как щепки, вспыхнули нечеловеческим, древним огнём. Она не кричала. Она **изрыгала**. Слова, кипящие в горле дегтем и желчью.

– Вон! – прошипела она, и палец её, кривой от артрита, ткнул в сторону двери, как штык. – Чтоб глаз твоих наглючих тут не было! Вон! Вон!!! Иди... – она захлебнулась, ища самое сокрушительное, самое низменное слово, способное раздавить эту зарождающуюся **волю**. И, кажется, нашла. –

Иди отсюда... – говно!

Слово повисло в воздухе. Материальное, вонючее, липкое. Не ругань даже, а некий ритуальный плевок. Попытка зацепить, низвести его, свести к чему-то презренному и незначимому. Оно не просто оскорбляло. Оно пыталось определить, классифицировать, низвести живого, мыслящего человека до статуса отброса, неодушевлённого продукта распада. Тактика стара как мир: если не можешь контролировать – унизь. Если не можешь понять и принять – уничтожь морально.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.